

«Роковой день у реки»

Это название и краткая аннотация фильма вызвали у Ли Цзяньчуаня скверные предчувствия. Он не мог с уверенностью утверждать, что это напрямую связано со смертью мисс Ил, но в происходящем определенно крылось нечто зловещее.

Вернув диски и плакаты на место, мужчина продолжил обыск. Нижние полки книжного шкафа были забиты журналами о Моде, зато на верхних теснились тяжелые фолианты по философии. На страницах многих книг виднелись следы частого чтения — потертости и заломы. То, что ребенок пяти лет от роду предпочитает столь тяжеловесную, абстрактную литературу, само по себе казалось аномалией.

Он просматривал тома один за другим, и вскоре перед ним вырисовался круг интересов маленького господина. Книги стояли идеально ровно — от высоких к низким, образуя безупречную шеренгу. Однако в самом углу нижней полки Цзяньчуань заметил подозрительный зазор между корешками. Судя по слою пыли, пустота возникла не из-за того, что литературы было мало — просто один фолиант недавно вынули.

Больше шкаф, на который неотрывно пялились сотни багровых глаз, не выдал своих секретов. Ли Цзяньчуань еще раз обошел комнату, внимательно вглядываясь в развешанные повсюду картины. Одни были пугающе реалистичными, другие — гротескными, но во всех чувствовалась незрелость штриха. Мужчина пришел к выводу, что это работа самого Скотта.

Мальчик определенно обладал незаурядным талантом. На его письменном столе грудями лежали домашние задания, наброски и учебники по психокоррекции. Из тетрадей Ли узнал, что юного хозяина зовут Скотт. Он страдал аутизмом с самого рождения, из-за чего практически безвыездно жил в поместье.

Жизнь пятилетнего ребенка в этих стенах была однообразной и пресной. Скотт сторонился шумных игр, предпочитая им тихие занятия — например, рыбалку. В углу у окна Цзяньчуань заметил несколько удочек и небольшое ведерко. Удилища были сухими, но на дне емкости еще виднелись влажные следы.

Более того, если Ли не изменяла память, в поместье Мофи была лишь одна небольшая река, где можно было рыбачить, и никаких других прудов или озер. Это явно связывало место действия с названием фильма.

Цзяньчуань поймал себя на мысли, что после прочтения загадочного письма он и сам невольно начал подозревать ребенка. Вспомнив о послании, он подошел к окну и, чуть отодвинув тяжелую штору, выглянул наружу.

Это место действительно находилось прямо напротив лесной рощи. Если бы луна светила ярко,

в разрывах между деревьями можно было бы увидеть блики на водной глади. Однако одного этого и косвенных намеков в фильмах было недостаточно, чтобы обвинить мальчика.

Вглядываясь в застывшую чащу, Ли Цзяньчуань мысленно восстановил картину, описанную в письме. Он представил ребенка, сидящего на подоконнике: тот подтягивает колени к подбородку, бесшумно распахивает створку и оглядывается по сторонам...

И в этот миг его сердце пропустило удар. Он резко перевел взгляд в сторону и осознал, что именно казалось ему неправильным с самого начала.

Спальня Скотта находилась в левом южном крыле старого особняка, а комната детектива Комона располагалась в правой. Из-за полукруглой конструкции дома из одного проема действительно можно было бы увидеть другой, если бы не одна деталь: прямо по центру фасада имелся выступ.

Это была гигантская масляная картина, которую с самого открытия выставки демонстрировали в герметичной стеклянной нише снаружи. Полотно полностью перекрывало обзор между двумя окнами.

Значит, Комон лгал? Или... письмо прислал вовсе не он?

Ли Цзяньчуань окончательно запутался в догадках. Он решил, что автором был детектив, потому что, во-первых, у дверей Лоса прошлой ночью нашли пепел от сигары, а во-вторых, днем сыщик проявлял явный интерес к сотрудничеству и судьбе Скотта. Теперь же стройная версия рассыпалась на глазах.

Если в письме говорилось правду, то видеть окно мальчика могли лишь обитатели нескольких комнат в левом крыле, расположенных этажом выше или ниже. В этот круг попадали леди Мофи, тот самый Долан, что насмеялся над сыщиком, и сам Ли Цзяньчуань.

Где здесь истина? И кто стоит за этим посланием?

Мужчина чувствовал, что этот момент критически важен, но разгадка ускользала, скрытая густым туманом. Он потер переносицу, пытаясь систематизировать крупницы информации. Планы на ночь оставались прежними: он собирался навестить Комона, даже если подозревал, что письмо — фальшивка.

Выдохнув, Ли Цзяньчуань в последний раз окинул взглядом спальню Скотта. Убедившись, что ничего не упустил, он потянулся к раме, чтобы распахнуть её пошире и выпрыгнуть наружу. Но стоило ему толкнуть створку до середины, как ладонь наткнулась на необъяснимое сопротивление.

Он машинально опустил взгляд и увидел, как на стекле внезапно проступил сочащийся кровью

отпечаток ладони.

— Твою мать, опять!

Мышцы на руках мужчины напряглись. Он рванул раму на себя, одновременно неестественно изгибая тело, чтобы протиснуться в образовавшуюся щель. Но в тот миг, когда он приложил силу, сопротивление исчезло. Створка с грохотом распахнулась, и стекло, не выдержав удара, разлетелось вдребезги.

Этот шум неминуемо должен был перебудить весь дом. Чертыхнувшись, Ли Цзяньчуань попытался быстро покинуть комнату, но стоило ему оказаться на внешнем подоконнике, как ночной пейзаж поместья дрогнул и исказился. Тьма за окном превратилась... в спальню Скотта.

Сотни багровых глаз на стенах ожили. Они начали медленно, синхронно моргать, и ледяной, парализующий взгляд каждого из них вонзился в Ли Цзяньчуаня. Он попятился, нащупав ногами ковер, и обернулся к окну, но то изменилось до неузнаваемости. Вместо разбитого стекла он увидел грубые доски, которыми проем был наглухо заколочен снаружи. Один за другим на дереве начали проявляться кровавые следы. Маленькие ладошки, тонкие и острые, словно когти, карабкались по доскам сверху вниз, будто незримый ребенок снаружи пытался пробраться внутрь.

В лицо мужчине внезапно дохнуло ледяным, застоявшимся холодом. Он схватил стоявший рядом стул и с размаху обрушил его на заколоченную раму. Удар прошел беззвучно, словно предмет угодил в вязкую мембрану, которая спружинила и отбросила его назад.

Путь через окно был отрезан. Ли Цзяньчуань бросился к двери, но не успел сделать и пары шагов, как глаза на полу зашевелились. Под ногами возникло нечто липкое и густое. Ступни вязли в этой жиже, теряя опору. Вся комната превратилась в пульсирующее месиво из плоти и крови, начала издавать хлюпающие звуки. В нос ударил невыносимый смрад гнили.

Почувствовав, что почва уходит из-под ног, Ли резко прыгнул, цепляясь за спинку кровати. Раз у каждого сценария магического ящика был шанс на спасение, то и в этой чертовщине должна быть лазейка. Действуя молниеносно, он вытащил ноги из вязкой жижи, перемахнул через изножье и выхватил зажатый за поясом огарок свечи.

Но свеча, так выручавшая его в коридоре, упорно не желала загораться. Он провел пальцем по фитилю — тот был мокрым.

Тем временем кровавые отпечатки ползли всё быстрее. Они уже добрались до края кровати. Тёмная кровь пропитывала синие простыни, расплзаясь уродливыми пятнами.

«Раз свеча не работает...»

Голова Ли Цзяньчуаня тяжелела, перед глазами всё плыло. Ему казалось, что зрачков в комнате становится бесконечно много, а у изножья кровати начала проступать неясная, скрюченная фигурка ребенка. Почувствовав на себе взгляд, существо подняло голову, и мужчина похолодел: на него смотрело дряблое, старческое лицо женщины.

Мир вокруг завертелся в безумном вихре. Дыхание перехватило, и Ли невольно вскинул голову. Сверху на него давили колеблющиеся толщи воды. Стоило ему открыть рот, как поток хлынул в горло, заставляя его зациклиться в мучительном кашле.

Легкие горели. Он ощущал себя глубоко под водой, в ледяной реке. Собрав остатки воли, он рванул вверх, к поверхности, которая казалась совсем близкой.

Силы стремительно покидали его, тело становилось свинцовым. Еще один рывок — и он вдохнет воздух. Но сознание гасло, а сквозь толщу воды он увидел на поверхности тонкую женскую тень. В тот же миг запястье обожгло нестерпимой болью.

Эта вспышка на мгновение прояснила разум. Ли Цзяньчуань вцепился в эту искру реальности, воскрешая в памяти план комнаты Скотта. Он зажмурился, отказываясь верить своим глазам, и, ориентируясь только на чувство пространства, рванул назад. Его рука нащупала нечто твердое и шершавое.

Удушье стало невыносимым, лицо Ли приобрело жутковатый фиолетовый оттенок. Не колеблясь более, он чиркнул зажигалкой прямо перед собой.

Воздух дрогнул, и незримые путы лопнули. Ли Цзяньчуань судорожно вздохнул, жадно глотая воздух. Открыв глаза, он увидел прямо перед своим лицом ровные ряды острых стальных гвоздей — еще сантиметр, и они прошили бы его череп насквозь.

— ...Превосходно.

Подавив поток ругательств, он отступил назад. Оглядевшись, он понял, что находится вовсе не в спальне, а в ванной комнате Скотта, навалившись грудью на раковину. Место, где раньше висело зеркало, теперь занимали ряды ржавых гвоздей, на которых висели обрывки плоти и запекшиеся капли крови.

В руках он всё еще сжимал коробку от диска «Роковой день у реки». Край пластика оплавился — огонь слизнул изображение реки с обложки.

«Тоже рисунок?»

Однако он еще не выбрался до конца. Эта чертовщина явно была связана с первым инцидентом, но имела иную природу. Ли подозревал, что его спасение было либо чистой случайностью, либо следствием того, что комната мальчика претерпела некие изменения.

Он вышел в спальню. Помещение не вернулось в нормальное состояние: окна всё еще были заколочены, а нарисованные глаза продолжали следить за каждым его шагом, будто за стенами скрывался невидимый соглядатай.

Мужчина попытался открыть дверь, но та тоже оказалась забита досками.

Пути отступления были отрезаны. Ли Цзяньчуань медленно обвел взглядом комнату и остановился на книжном шкафу. Он не верил, что застывшие взгляды рисунков, указывающие на полки, были случайностью.

Открыв дверцу, он увидел, что на месте недавнего зазора теперь стоит книга в черном кожаном переплете с чистым корешком.

«Предмет, которого не было в обычной комнате... В чем же суть этой чертовщины?»

Ли вытянул книгу. Как только фолиант оказался у него в руках, раздался сухой щелчок, и шкаф начал медленно отъезжать в сторону, открывая узкий темный проход. Из канала дохнуло сыростью и холодом.

Он коснулся края проема — гладкая каменная кладка. Мужчина хотел было изучить находку здесь, в безопасности, но шкаф задрожал и начал медленно возвращаться на место. Не желая рисковать единственным шансом, Ли быстро проскользнул внутрь.

Шкаф за его спиной закрылся, погружая Ли Цзяньчуаня в абсолютную тьму. Зрение здесь было бессильно, и ему пришлось зажечь зажигалку.

Тонкий огонек осветил узкий коридор, в котором с трудом мог развернуться взрослый человек. Проход оказался коротким — всего через десять метров он уперся в заколоченную дверь. Слабый свет скользнул по табличке: на ней можно было разобрать слово «Мастерская».

Эта дверь была заперта наглухо. Ли продолжил осматривать стены и внезапно уловил тихий звук. Приблизившись к одной из сторон коридора, он обнаружил шатающийся кирпич. Погасив зажигалку, он осторожно вытащил его.

В щель ударил тусклый желтоватый свет, и до него донесся приглушенный женский голос.

— Предупреждаю вас, адвокат Зак, деньги уже у вас. Если вы не найдете Скотта, я сорву с вас маску перед всем миром...

Голос был ледяным и властным. Ли приник к отверстию. Женщина стояла совсем близко к стене. Благодаря обостренному слуху мужчина разобрал ответ на другом конце провода.

— Госпожа... я делаю всё возможное... но у вас нет права обвинять меня. Это наше соглашение. Неужели вы решили отступить?

Голос собеседника доносился с помехами, но Ли Цзяньчуань мгновенно узнал его. Тембр был пугающе похож на голос того игрока-адвоката из первого раунда, по делу Наннали. Но тот человек был мертв.

Кто же тогда говорил с леди Мофи? Или его догадка о том, что за именами скрываются те же сущности, была верна?

Судя по разговору, Зак действительно занимался поисками пропавшего мальчика, но между ним и хозяйкой поместья была иная, тайная сделка. Ли всегда казалось странным, что юристу поручили детективную работу.

— Я не отступаю, Зак, — голос леди Мофи оставался бесстрастным. — Я лишь не хочу бросать деньги на ветер. Времени было достаточно, пора действовать. Дороги в поместье размыты, послезавтра выставка закроется, и я хочу увидеть моего дорогого Скотта сразу после церемонии.

— Это непросто, госпожа... Ситуация вышла из-под контроля... Но пока есть деньги... Большие деньги...

— Вы на редкость добросовестный адвокат по «благотворительным» делам, — в голосе собеседницы прозвучала едкая ирония. — Я устала, Зак. На этом закончим. Найдите Скотта, и за ценой я не постою.

— Разумеется. Ведь талант не купишь ни за какие деньги, верно, госпожа? — послышался смех Зака. — Доброй ночи... Положитесь на меня... Всё будет так, как вы желаете.

Раздался щелчок — связь прервалась. Леди Мофи с силой бросила трубку. Судя по резким движениям, она была куда более взволнована, чем пыталась казаться.

Ли Цзяньчуань оглядел комнату через щель. Обзор был удачным: кирпич находился почти у самого пола, скрытый за массивным растением в кадке. Мимо него прошли черные туфли на каблуках, мелькнул подол темно-красного платья. Дверь скрипнула и закрылась.

Он подождал еще немного. Мужчина не знал, куда направилась леди Мофи, но иного пути у него не было. Стянув перчатки, он принялся быстро разбирать кладку вокруг расшатанного камня. Стена поддалась неожиданно легко.

Меньше чем через десять минут в стене зияла дыра, достаточная, чтобы человек мог пролезть внутрь. Ли спрятал книгу за пазуху, пробрался в комнату и, прикрыв пролом кадкой с растением, бросился к окну.

Едва он коснулся рамы, за дверью послышались шаги. Ли Цзяньчуань мгновенно выскользнул на подоконник и, точно черная тень, перемахнул на карниз соседнего окна.

Снаружи висел густой ледяной туман. Не оборачиваясь, Ли, словно ящерица, бесшумно двигался по выступам фасада. Через две минуты он уже запрыгивал в собственное окно.

Он не стал зажигать свет. Быстро ополоснувшись в ванной и переодевшись в пижаму, мужчина привел всё в порядок, а затем вновь надел перчатки и раскрыл добытый фолиант.

На первом же листе красовалась надпись, выведенная кроваво-красными буквами:

«Книга Демона»

Та самая «исчезнувшая книга», о которой говорилось в задании для убийцы? Ли присмотрелся. Буквы были написаны настоящей кровью, скорее всего, человеческой. Почерк был нескладным, детским — в точности как в дневнике Скотта.

Значит, мальчик сам написал её?

Ли Цзяньчуань нахмурился и перелистнул страницу. К его удивлению, почти всё содержание было пустым. Лишь на трех листах виднелись рисунки.

На первом была изображена темная лестница, в глубине которой светилась пара багровых глаз. На втором — поле пышных цветов, чей цвет переходил от нежно-розового к густо-черному, напоминая сгустки запекшейся крови.

Третий рисунок изображал небольшую речку в лесной глуши. На берегу спиной к зрителю стояла женщина. Она смотрела куда-то вдаль, в непроглядную ночную тьму. Внизу страницы тем же детским почерком была выведена дата и время.

Именно в этот час врач констатировал смерть мисс Ил.

Связь между гибелью женщины и Скоттом стала очевидной. Оставалось лишь понять: был ли ребенок убийцей, свидетелем или невольным соучастником.

Мужчина изучал рисунки, пока часы не пробили четыре утра. Скоро должен был наступить рассвет. Он решил немного поспать, но не успел даже коснуться подушки, как тишину поместья прорезал истошный крик.

— А-а-а-а!

— Бекка! Это Бекка!

Кричала женщина. Сон мгновенно слетел с Ли. Он выскочил из комнаты, но на пороге внезапно замер.

Коридор заполнили люди, выбегавшие на шум из своих спален. Однако, оглядев толпу, Ли Цзяньчуань не увидел ни одного знакомого лица. Прошлой ночью он сам видел, как Комон, Долан, мужчина с усами и дамы расходились по этим покоем. Теперь же они бесследно исчезли.

В этот момент дверь соседней комнаты распахнулась, и на пороге появился Комон. Он был одет в пижаму и выглядел заметно моложе, чем вчера. Его острый ястребиный взгляд остановился на мужчине.

— Вы ведь прокурор Лос? — в голосе детектива прозвучало удивление. — Кажется, там что-то случилось. Не хотите взглянуть вместе, господин Лос?

Ли Цзяньчуань застыл на мгновение, а затем медленно кивнул.

<http://bllate.org/book/15871/1569481>